

IV. Идентичность и образ другого

УДК 94(495)"1790-1865"
DOI 10.26170/vvi19-02-17
Код ВАК 07.00.03

С.Х. Глушкова

КНЯЗЬ ЛЕОПОЛЬД САКСЕН-КОБУРГ-ГОТСКИЙ (1790-1865) – ТЯЖЕЛЫЙ ВЫБОР ПЕРВОГО КОРОЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ГРЕЦИИ

В статье делается попытка проследить процесс дипломатической борьбы вокруг кандидатуры немецкого принца Леопольда Саксен-Кобург-Готского в качестве английского претендента на греческий престол. Эта проблема рассматривается в контексте активизации революционной деятельности на Балканах в 1820-х гг., в результате которой родилась новая Греция. Данный процесс проходил на фоне обострения борьбы дипломатии европейских стран по вопросу о будущем этого государства, что, во многом, определялось выбором претендента на греческий престол.

Несмотря на достигнутый компромисс между державами и временным правительством Греции в отношении кандидатуры принца Леопольда, восшествия его на престол не произошло, во-первых, из-за его личных амбиций, во-вторых, из-за тяжелой финансовой и внутривнутриполитической ситуации балканского государства.

Ключевые слова: независимость страны; европейская дипломатия; политическая история; немецкие принцы.

Сведения об авторе: Глушкова Светла Христова, ассистент кафедры новой и новейшей истории, Великотырновский университет им. Святых Кирилла и Мефодия; 5 000, Республика Болгария, г. Велико Тырново, ул. Теодосия Тырновского, 2; e-mail: svetglushkova@abv.bg

Svetla Kh. Glushkova

PRINCE LEOPOLD SAKSEN-COBURG-GOTH (1790-1865) – A HEAVY CHOICE OF THE FIRST KING OF MODERN GREECE

The article attempts to trace the process of diplomatic struggle around the candidature of the German prince Leopold of Saxe-Coburg-Gotha as an English candidate for the Greek throne. This problem is considered in the context of the intensification of revolutionary activities in the Balkans in the 1820s, as a result of which a new Greece was born. This process took place against the background of the aggravation of the struggle of diplomacy of European countries on the future of this state, which, in many respects, was determined by the choice of the candidate for the Greek throne.

Despite the compromise reached between the powers and the interim government of Greece regarding the candidature of Prince Leopold, he was not ascend-

ed to the throne, first, because of his personal ambitions, and second, because of the difficult financial and domestic political situation of the Balkan state.

Keywords: country independence; European diplomacy; political history; german princes.

About the author: Svetla Kh. Glushkova, Assistant of the Department of Modern and Current History, St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Veliko Turnovo, Bulgaria

16 декабря 1790 г. в небольшом немецком княжестве Кобург в многочисленной семье князя родился сын. Правящие герцоги были протестантами, поэтому в течение длительного периода они играли скромную роль в пределах Священной римской империи. Их владения были сильно ослаблены в результате наследственных разделов во второй половине XVII в., и сто лет спустя у них осталось всего 50 тыс. подданных на небольшой территории [Глушкова 2017: 298-310; Намазова 1994: 199; Stengers 1992: 72-80; Mémoires 2007: 596]. Последнее десятилетие XVIII в. было периодом интеллектуального и творческого взлета немецких государств – Г. В. Гете в Веймаре, философы-идеалисты И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегель, романтики и музыка гения Л. ван Бетховена. В то же время Германия была разъединена политически – в 1789 г. немцы жили в границах двух королевств и примерно 300 княжеств, свободных городов и владений церкви.

Такой контраст между духовным расцветом и бессилием немецких владетелей противостоять французской экспансии облегчил вторжение армий революции и Наполеона. Наполеон бесцеремонно перекроил карту Германии, навязал современное французское законодательство и в 1806 г. положил конец многовековой Священной римской империи. Интересно, что сначала Французская революция была с энтузиазмом принята немцами, идиллически мечтавшими о братстве и свободе, но это изменилось, когда они поняли намерение парижского Конвента установить новую «естественную границу» между двумя нациями по р. Рейн и, таким образом, осуществить мечту короля-солнца Луи XIV о надежном барьере против агрессии с востока.

Будущее князя Саксен-Кобург-Готского Леопольда оставалось неясным, несмотря на то, что его крестным отцом был австрийский император Леопольд II, который ограничился пожеланиями маленькому князю престижных военных званий в будущем. Князю Леопольду, как и обоим его старшим братьям, в семье прочили военную карьеру. Близкий родственник, добившийся высокого звания и успехов в австрийской армии, занялся обучением Леопольда и познакомил его не только с тактическими военными приемами, но и с превратностями европейской политики. Его воспитанием занималась бабушка, властная княгиня София, которая ежедневно наставляла его, давая много-

численные советы, но также назначила ему учителей древних и современных языков. Благоприятным фактором для будущей государственной карьеры Леопольда оказалось замужество обеих его старших сестер за членами русского императорского двора¹. Почести и отличия из России для членов княжеской семьи в Кобурге не заставили себя ждать. Шестилетнему Леопольду было присвоено офицерское звание гвардейского Измайловского полка российской армии.

В 1813 г. Леопольд с двумя своими братьями воевал в составе союзной армии против Наполеона. В полной для французов драматизма битве под Лейпцигом он отличился своими качествами военного и в награду получил право войти с победителями в Париж 31 марта 1814 г. Более того, проявленная им в победоносном сражении отвага произвела впечатление на русского императора Александра I, и он включил Леопольда в состав императорской миссии, отправленной в Великобританию после подписания мирного договора с вернувшейся к власти династией Бурбонов для празднования победы над Наполеоном. Интеллигентность и физическая привлекательность молодого немецкого князя обеспечили ему новое, определившее его судьбу общественное положение – после мучительно пережитых разочарований, колебаний и сомнений его выбрали в супруги принцессе Шарлотте, единственной дочери принца-регента Великобритании, будущего короля Георга IV [Defrance 2004: 64-66; Bitsch 1992: 96].

Свадьбу сыграли в мае 1816 г., и Леопольд был удостоен титула «Королевское Высочество», английским подданством, военным званием «фельдмаршала английской армии» и годовым доходом в 50 тыс. лир. По решению парламента он получил также почетное место в палате лордов. Князя из небольшого немецкого протестантского княжества Кобург определили на престижную роль в английском обществе, принявшем его с большой симпатией как супруга принцессы Шарлотты. Весной 1817 г. было официально объявлено о беременности Шарлотты, от которой ждали рождения наследника престола и, таким образом, продолжения и сохранения династии². В первые дни ноября начались задержавшиеся роды. Врачи, неизвестно почему, выжидали, ничего не предпринимая, 52 часа. Мальчик родился мертвым, а позже умерла и совершенно истощенная во время родов Шарлотта. Это злосчастное событие повергло в шок не только королевскую семью, но и все обще-

¹ При активном участии Екатерины II его сестра Юлия в 1795 г. была выдана замуж за великого князя Константина, а три года спустя Антуанетту выбрали в супруги князю Александру Вюртенбургскому, брата супруги императора Павла Марии Федоровны.

² У пожилого и больного Георга III (1738-1820) было семеро сыновей, но большинство были или бездетными, или у них были внебрачные дети, не имеющие права занимать престол от имени ганноверской династии. У старшего сына, который с 1811 г. обладал титулом принца-регента, не было других детей, кроме Шарлотты от его брака с немецкой принцессой Каролиной Брауншвейгской, и не было надежды, что будет, поскольку они были в разводе.

ство. Началось громкое обсуждение вины врачей. Один из них покончил с собой, но конкретные причины трагедии с роженицей и ребенком так и остались невыясненными [Цветков 1999: 161; Defrance 2004: 69-73].

Леопольд переживал трагические события очень мучительно и провел в одиночестве несколько месяцев. Он съездил в Кобург, чтобы повидаться с матерью, а также был вынужден оказывать финансовую и моральную поддержку своим братьям и сестрам. Юлия рассталась с великим князем Константином, покинула Россию и поселилась в Швейцарии, располагая весьма скромными средствами. У другой из сестер – Софии – было пятеро сыновей, и она испытывала материальные трудности. Похожими были и семейные проблемы его старшего брата Эрнста-Антон, оставшегося в княжестве. Но больше всего забот, средств и внимания Леопольд уделял своей сестре Виктории, супруг которой, немецкий князь, умер в 1814 г., и она была вынуждена самостоятельно растить своих двух маленьких детей. Шарлотте пришла в голову идея рекомендовать ее в супруги своему дяде Эдуарду, герцогу Кентскому, 4-му сыну пожилого короля Георга III.

Эдуарда все время преследовали кредиторы, но он надеялся, что этот брак поможет ему получить благоволение своего брата регента и финансовую помощь от государства. С другой стороны, красивая 32-летняя Виктория произвела на него благоприятное впечатление, и через несколько месяцев после смерти Шарлотты он реализовал идею нового брака. В браке Эдуарда с Викторией в январе 1819 г. родилась дочь Виктория, у которой была реальная возможность взойти на английский престол. Регент не жаловал своего брата, герцога Кентского, а еще меньше его немецкую супругу и их маленькую дочь. Он не откликнулся на просьбы брата о финансовой поддержке, а когда Эдуард простудился и в 1820 г. умер, регент настоял на том, чтобы его семья покинула Англию. Настойчивая просьба Леопольда заставила его уступить, не обязываясь, однако, поддерживать их материально. И Леопольд, и Виктория остались подданными Великобритании и членами королевской семьи, хотя оба потеряли своих высокопоставленных английских супругов.

Заботу о содержании Виктории и ее дочери взял на себя Леопольд. Он считал своей обязанностью обучение и воспитание маленькой принцессы. Всего лишь через неделю после смерти Эдуарда, герцога Кентского, умер и больной король Георг III, а его старший сын принц-регент был объявлен королем под именем Георга IV. Это событие определило для маленькой Виктории третье место в почетном списке наследников английского престола, причем сразу после двух старших братьев ее отца. Ее мать тайком надеялась, что, возможно, станет регентом при своей малолетней дочери. В пока еще неясном будущем Виктории для Леопольда планировали роль советника короля. Драматические события в Европе, произошедшие в последующее

десятилетие, изменили частью эти намерения. В 1837 г. Виктория взошла на престол Великобритании, а в 1830-1831 гг. Леопольд был поставлен перед тяжелым выбором между двумя королевскими тронами – Греции и Бельгии.

Победители Наполеона, которым ценой многих усилий удалось установить на континенте относительную политическую стабильность и баланс сил при помощи решений Венского конгресса, сумели сохранить это положение всего лишь на несколько лет. Их попытка восстановить в Европе полуфеодальные режимы и старые династии путем официально провозглашенного принципа легитимизма оказалась обреченной. Еще в начале 20-х гг. XIX в. революционная волна в Испании, в Неаполе и Пьемонте, а также в Греции стала серьезной угрозой для стабильности установившихся политических режимов. Волнения начались в Мадриде, где офицеры-патриоты требовали восстановления конституции 1812 г., и король Фердинанд VII был вынужден пойти на уступки. Радикальные элементы имели сильное влияние в Кортесах, и мятежные настроения охватили страну.

В Италии члены тайной организации карбонариев также призывали к принятию конституции, ее участники восстали в июле в Неаполе, а в марте в Пьемонте. Для государств Священного союза, навязывающих консерватизм самого неприемлемого для народов характера, Италия представляла собой всего лишь «географическое понятие». По инициативе австрийского канцлера К. Меттерниха в Лайбахе (Любляне) был проведен конгресс, на котором государства Союза договорились о вооруженном вторжении австрийских войск в Италию, а также французских армий в Испанию. Желание народов Европы установить конституционное правление и создать общество без привилегий, в котором граждане были бы равными перед законом, было безжалостно подавлено военной силой [Феро 2008: 273; Bouvier 1992: 73-77; Tulard 1985: 310].

Греческое восстание стало третьим очагом национальной революции в рассматриваемый период. Своевременное вмешательство европейских правительств стало определяющим для его исхода, хотя само отношение этих правительств к грекам было достаточно осторожным и дистанцированным. И все же греческая тема оказалась очень популярной в Европе в первые месяцы восстания и симпатия к балканским повстанцам содействовала трансформации этой вспышки в длительную успешную войну. Эта симпатия зародилась на основе романтических представлений о классической древности и ее современном духовном наследии, ее подпитывало восприятие греков как героических воинов христианства против мусульманской империи, которую нужно выдвинуть из Европы, а также воображаемая надежда, что именно они, греческие повстанцы, положат начало этому процессу. В то время как оба сербских восстания начала XIX в. «остались незамечен-

ными просвещенной Европой» [Грынчаров 2001: 143]¹, греческий бунт очень быстро приобрел европейский характер, на протяжении целого десятилетия притянул к себе внимание дипломатии великих государств и лишил смысла существования консервативного Священного союза [О восстании в Греции: Данова 2003: 98-131; Тодоров 1979; Достян 1972: 196-230; Виноградов 1985: 49-87].

Один из лидеров тайного греческого общества «Филики этерия», созданного на русской территории в Одессе, Александр Ипсиланти был генералом русской армии и адъютантом императора Александра I. Осенью 1820 г. он прибыл в Кишинев с вооруженной группой соотечественников и решил воспользоваться кризисом, вызванным амбициями правителя Эпира и Фессалии Али-паши Янинского, стремившегося получить независимость от султана. 6 марта 1821 г. Ипсиланти покинул Кишинев и отправился в Молдавию. В Яссах он выступил с Манифестом, в котором призывал греков к восстанию, и отправил письмо русскому императору с настойчивой просьбой о поддержке греческой идеи. В нем Ипсиланти объявил Александра I «освободителем Греции»².

Ипсиланти намеревался собрать внушительную армию и через болгарскую территорию добраться до Греции. В конце марта восстал Пелопоннес, греки освободили Каламату, а их многовековая ненависть переросла в бессмысленную жестокость в отношении поработителей³. Ответная турецкая реакция была еще более жестокой. В Пасху, 22 апреля 1821 г., янычары повесили патриарха Григория V у входа в патриарший дворец в турецкой столице, были убиты тысячи невинных греков. Такая крайняя жестокость в усмирении бунта была проявлена и в марте 1822 г. даже и на таких островах, как Хиос, где не было повстанческих очагов. Греческое восстание началось с необъявленной религиозной войны, в которой было убито много невинных православных епископов и священников. Считают, что 30 тыс. греков были уби-

¹ В изданной университетом в Монпелье многотомной истории Европы о восприятии европейцами активизации греков и других балканских народов в начале XIX в. говорится так: «В представлениях остальных европейцев образ балканских наций поменялся. Часто называемые до этого еретиками, слабо образованными и подчиненными своему победителю, опасному, но внушительному султану, они превратились в христианских мучеников, ополчившихся против варварства азиатов, душавших их славную античную цивилизацию» [Carbonell 1999: 99].

² В своем письме Александру I от 6 апреля 1821 г. генерал Ипсиланти сообщил ему, что решение «вместе с братьями посвятить себя такому справедливому делу, как освобождение своей страны», по сути, является выполнением воли его покойного отца. Он призывал царя выгнать турок из Греции и заслуженно приобрести еще один титул – «освободителя Греции» [Арш 2012б: 179]. В это время в России сформировалась значительная греческая диаспора, и у нее была очень серьезная надежда на русское военное вмешательство в дело их национального движения.

³ 25 марта (6 апреля) в Греции официально отмечают День независимости. По легенде, в этот день колокола своим звоном призвали греков к восстанию и вызвали всеобщий отклик [Арш 2012а: 181].

ты или проданы в рабство на базарах турецкой столицы и Смирны. После первоначального всплеска жестокости стало понятно, что Высокой Порте будет трудно справиться с восставшими греками, так как их территория, острова и горный рельеф полуострова способствовали сопротивлению. У греков была сотня кораблей дальнего плавания и 12 тыс. моряков, при помощи которых они могли бы успешно заблокировать судоходство в восточной части Средиземного моря¹.

Собравшись в Эпидавре в конце 1821 г., греческие делегаты первого Национального собрания объявили о независимости Греции и приняли конституцию. Она была составлена под влиянием той французской конституции, которая установила осенью 1795 г. власть Директории, и именно по ее образцу греки высказались за республиканский режим с предоставлением всей исполнительной власти правительству, состоящему из пяти министров. Но среди делегатов все яснее становилось заметным отсутствие единства – социальные различия в обществе, соперничество за сферу влияния и особенности менталитета греков в будущем привели к двум гражданским войнам, к драматическим перипетиям и хрупкому равновесию между различными фракциями. У греков не было единства и относительно формы государственного устройства на случай, если бы им удалось получить в какой-нибудь форме некоторую независимость от Высокой Порты. Они разделились на три отдельные партии в зависимости от ожидаемого содействия Европы – английскую, русскую и французскую. Один из военных лидеров Теодорос Колокотронис говорил: «У каждого грека свой собственный каприз и свой бог»².

Первоначальная официальная реакция России на просьбу о помощи была негативной и резкой. Александра I проинформировали о событиях на Балканах и, в частности, о вооруженном походе Ипсиланти 19 марта 1821 г. в Лайбахе (Любляне) во время заседаний правителей Священного союза, где обсуждались варианты вооруженного вмешательства на Пиренеях и Апеннингах. Для него было неприятным сюрпризом, что генерал на русской службе стал лидером тайного общества и инициатором очередной революции, нарушающей основной принцип Священного союза – недопустимость вооруженного выступления против законного владетеля. Русский император был инициатором создания Священного союза, и греческое восстание больно задело его. Александр I был убежден, что единство связанных Священным союзом властителей является самой надежной гарантией незыблемости царствующих дина-

¹ По мнению английского посла в турецкой столице лорда Стрэнгфорда, «как сам Ипсиланти в Молдавии, так и греческие повстанцы в Море совершили не менее ужасные вещи против турок» (Радев 2016:283). На острове Хиос было убито более 25 тыс. греков [Данова 2003: 121].

² Фраза взята из исследования греческого историка А. Вакалопулоса, процитированного Г. Л. Аршем [Арш 2011: 183].

ствий и вариантом наиболее эффективного противодействия проявлениям недовольства. В этом смысле он посчитал акцию тайного греческого общества «позорной и преступной», поскольку она ставила под угрозу власть легитимного властителя, каким являлся султан¹.

По возвращении в Россию император с некоторым удивлением узнал о симпатиях к восставшим грекам со стороны оппозиционно настроенных дворян, будущих декабристов, в среде православных священников и творческих личностей вроде молодого А. С. Пушкина. Все они выступали за дальнейшее покровительство над балканскими христианами и даже за оказание вооруженной помощи грекам. В составе отряда Ипсиланти в Дунайских княжествах оказались и другие русские офицеры, некоторые из них впоследствии воевали на греческой территории. Александр I был вынужден сначала пойти на небольшую уступку и разрешить сбор средств для пострадавших греков. В короткий срок была собрана значительная сумма. Не впервые за время царствования Александра I общественное мнение в России заняло позицию, отличающуюся от официально заявленных намерений императора. Его высокопоставленным дипломатом был Иоаннис Каподистрия, который и в частных разговорах выражал уверенность в том, что греческий вопрос могла бы разрешить только Россия, причем с применением военной силы².

Целая череда различных обстоятельств вынудила Александра I быстро скорректировать изначально принятую линию поведения в защиту султана как легитимного владетеля. В то же время – весной и летом 1821 г. – позиция Высокой Порты по отношению к России обрела намного более агрессивный характер, чем это было ранее. Она отказалась вывести свои войска из Дунайских княжеств и упрямо настаивала на пересмотре решений мирного договора 1812 г., подписанного в Бухаресте. Терпение непостоянного в своем поведении русского властителя быстро закончилось. Лястя себе тем, что действует от имени Европы, русская дипломатия направила в Высокую Порту ноту ультимативного характера о решении спорных вопросов и о защите христи-

¹ По распоряжению Александра I А. Ипсиланти сразу было отправлено письмо, в котором от имени императора был выражен гневный протест по поводу того, что он путем обмана завлекает своих соотечественников в «преступную акцию тайного общества» [Арш 1970: 309].

² Иоаннис Каподистриас (1776-1831) родился в зажиточной семье с острова Корфу. Изучал медицину и философию в Падуе, после чего работал врачом в русском военном госпитале на Корфу и участвовал в организации современного управления на Ионических островах. После заключения Тильзитского мира 1807 г., когда русское управление островами было заменено французским, перевелся на русскую дипломатическую службу. С 1813 г. сопровождал Александра I во время военной кампании против Наполеона, а затем и на Венском конгрессе 1814-1815 гг. С 1816 г. был государственным секретарем в министерстве иностранных дел России. Греческий патриот, имевший заслуги в борьбе за освобождение Греции. Его деятельность является объектом разнообразных по характеру исследований.

анского населения, которое не принимало участия в восстании. В случае, если Турция не выполнит перечисленные требования, ей угрожали, что она окажется в «откровенно враждебных отношениях со всем христианским миром».

4 июля Россия отправила телеграммы в Лондон, Берлин, Париж и Вену с настойчивой просьбой поддержать в турецкой столице русские требования. В случае безуспешности переговоров Петербург просил дать ему мандат на войну с Турцией [Виноградов 1985: 37-38]. Не дожидаясь решения своих союзников, в конце июля Александр I прекратил официальные отношения с султаном. Это воззвание Александра I встретили прохладно во всех столицах. Вместо того чтобы внушить султану умеренность, четыре европейские государства напомнили грекам: «Любое восстание против законного владельца попирают как высокая мораль святого евангелия, так и принципы политики». В Западной Европе выразили симпатии грекам, но сочувствие на словах не перешло в энергичные действия для коллективного вмешательства в их поддержку. Австрийский посол в Лондоне в своем докладе обобщил: «Публика здесь не хочет, чтобы свобода греков была достигнута за счет русского доминирования в Средиземном море».

В октябре 1821 г. английский король Георг IV отправился в Ганновер, являющийся британским владением, вместе с министром иностранных дел Р. С. Каслри, и там они встретились с австрийским канцлером К. Меттернихом. Они обсудили различные варианты противодействия России с целью добиться ее отказа от намерения воевать с Турцией. Некоторое время спустя Каслри попытался убедить русского посла в Лондоне Х. А. Ливена в том, что «3 миллиона мусульман в Европе являются менее опасными для ее спокойствия, чем 4 миллиона человек, которые после свержения рабства сами проложат дорогу революционерам всех стран» [Там же: 36]. Оставшись без союзников, русский император действительно опасался волнений в России, которыми его пугали в Европе, и отказался воевать в одиночку. В некоторых вещах Александр I проявлял нерешительность и непоследовательность, что было результатом его юношеского раздвоения между внушениями энергичной бабушки Екатерины II и своенравным отцом Павлом¹.

Греческое восстание было встречено с симпатией и в Лондоне. Молодой поэт Перси Биче Шелли (1792-1822) написал драму «Эллада», посвященную порыву греков к свободе и получившую широкую популярность. Друг за другом появлялись проэллинские общества, некото-

¹ Швейцарский дипломат Анри Валлотон (1891-1971), автор популярных биографий политических деятелей Екатерины II, Петра I, Бисмарка, за которые был удостоен премии Французской академии, писал об Александре I, что он, вынужденный лавировать между императорским дворцом и резиденцией в Гатчине, раздаривал улыбки всем, хвалил и того, и другого; испытывая недоверие к обоим дворам, он приобрел привычку скрывать свои чувства и мнения (Валлотон 1991: 31).

рые депутаты выступали против жестокости турок и называли официальную английскую политику «предвзятой». Примечательна также роль Байрона, который покинул Англию, временно поселился в Италии вместе с Шелли, а потом отправился в Грецию, где и умер. Бурные дискуссии в связи с греческим вопросом разразились и в палате лордов. Премьер-министр Р.Б.Дж. Ливерпуль был вынужден признать факт жестокостей турок по отношению к грекам, но в обоснование проявленного бездействия объявил: «Какое у нашей страны право вмешиваться в действия другого правительства по отношению к его собственным подданным?» В то же время сама Англия использовала репрессивные меры в отношении освободительного движения в Ирландии.

Тревожные события в южных районах Европы вынудили лидеров Священного союза съехаться на очередной конгресс для принятия общих решений. Они договорились провести его в конце 1822 г. в Вероне, согласовав заранее в Вене спорные вопросы. Владетели и их дипломаты занялись лихорадочной подготовкой к конгрессу, которому суждено было стать последним в истории Священного союза. В России Александр I посчитал, что государственный секретарь иностранных дел Иоаннис Каподистрия, будучи этническим греком, слишком сильно привязывает его к одной из сторон, и решил, что нужно предоставить ему отпуск на неопределенный срок. Каподистрия поселился в Швейцарии, откуда следил за событиями на своей родине. На конгресс не попал и английский министр иностранных дел Каслри, обещавший Меттерниху, что в середине августа прибудет в Вену, и даже подготовивший специальную инструкцию. В ней он допустил возможность того, что Англия пойдет на уступку и признает греков воюющей стороной. У Каслри был навязчивый комплекс преследования и, оставшись без надзора, 12 августа он покончил с собой. В Вероне Великобритании представлял герцог Веллингтон [Достян 1972: 211].

Дискуссия на конгрессе в Вероне касалась трех существенных проблем – французской интервенции в Испанию, предоставления независимости государствам Латинской Америки и прекращения работорговли. Греческое правительство обратилось к лидерам Священного союза с просьбой допустить на заседания его представителей, но им отказали, аргументируя тем, что греки являются участниками мятежа против своего «законного владетеля». В частном разговоре русский император поделился с французским дипломатом Ф. Р. де Шатобрианом: «Война во имя веры против Турции лучше всего соответствует как моим интересам, так и интересам моих народов и обществу моему мнению; но в беспорядках на Пелопоннесе я узрел знамение революции» [Виноградов 1985: 38].

Леопольд Саксен-Кобург-Готский стал с нарастающим интересом следить за греческими событиями еще в марте 1821 г. В клубах вигов в Лондоне, посетителем которых он был, а также в княжеских

салонах на континенте он проявлял интерес к дискуссиям о путях разрешения греческого кризиса. Чаще всего его собеседники воздерживались от категорических прогнозов, высказывали различные мнения о возможном успехе или провале греков в сложившейся атмосфере революций и нестабильности во всей Европе. Осторожным был и Леопольд, понимавший, что в качестве члена английской королевской семьи должен считаться с позицией Георга IV. Этот владетель был подозрительным и злопамятным как в отношении своих братьев, так и зятя и министров. Со дня его коронации 19 июля 1821 г. отношения между Георгом IV и князем Леопольдом оставались очень прохладными¹.

Семейные дела и поездки на континент не могли удовлетворить Леопольда. Надежда увидеть Викторию на троне и стать ее первым советником оставалась далекой. Он не хотел посвящать себя только этому сладостному ожиданию, да и бездействие было ему не свойственно. Леопольд искал для себя общественное поприще, но у обладателя титула «Королевское Высочество» возможности были сильно ограниченными. Он не мог заниматься банковским делом, торговлей или индустриальной деятельностью. Возможность проявить себя в полной мере Леопольд увидел в такой нации, как Греция, которой предстояло создать свою государственность, конституцию и институты управления. Это было бы новое поприще, которое лишило бы его уютной жизни в Лондоне, но удовлетворило бы его амбициозную натуру и включило бы его в ареопаг владетелей Европы. После брака с Шарлоттой, который вывел его из княжества Кобург в самую влиятельную империю мира – Великобританию, он снова нуждался в подобном ходе. И Леопольд решил посвятить себя утверждению будущего греческого государства.

В августе 1822 г. Леопольд прибыл в Вену, намереваясь лично проследить за позициями лидеров Священного союза, и его присутствии произвело впечатление в первую очередь на хозяина конгресса, австрийского канцлера Меттерниха. Со времен Венского конгресса 1814-1815 гг. он создал эффективную систему слежки за высокопоставленными гостями, которая позволила ему быстро разобраться в миссии Леопольда². Канцлер относился враждебно к обособлению да-

¹ Георг IV не жил со своей супругой принцессой Каролиной, которая после смерти дочери Шарлотты покинула Великобританию. Король не захотел пригласить ее на коронацию и через парламент начал процедуру развода. Английское общество было в шоке и разделилось во мнениях. Поведение короля вызвало у многих сочувствие к Каролине, и одним из них был Леопольд. Его визит вежливости к матери своей покойной супруги был воспринят Георгом IV как проявление недоброжелательности к себе, и он относился с подозрением к Леопольду, его сестре и наследнице престола Виктории.

² «Если мои дети чихнут, первым об этом узнает Меттерних», – в шутку говорил участник конгресса в Вене. «Агенты были обязаны держать под контролем кафе и рестораны, все время находиться среди толпы на улицах». «Почтовые отделения во всей империи задерживали официальные письма и отправляли их в тайный шифровальный кабинет

же автономного греческого государства, опасался возможной инициативы русского императора в этом отношении, и присутствие Леопольда вызывало у него беспокойство. О его действиях в Вене английский посол сразу же докладывал королю Георгу IV. Разочарованный прохладным отношением официальных властей к себе, Леопольд покинул Вену и направился в Кобург.

В марте 1823 г. в лондонской таверне «Корона и якорь» либеральными аристократами был создан «Греческий комитет». Его члены организовали сбор денежных средств и содействовали отправлению в Грецию 80 англичан, в том числе Байрона. 25 марта 1823 г. новый министр иностранных дел Англии Дж. Каннинг заявил, что его страна официально признает греков воюющей стороной. Он аргументировал этот неожиданный акт заботой о безопасности английской торговли в Средиземном море. Греческому правительству был предоставлен крупный финансовый заем, несмотря на отсутствие надежных финансовых гарантий. Эти британские инициативы объективно нарушали принципы Священного союза независимо от объяснения этого шага со стороны Лондона¹.

В это время Леопольд занимался методичным расширением своих контактов в кругах князей и дипломатов в поисках влиятельных личностей, которые могли бы способствовать его популярности среди греков. Он воспользовался знакомствами своей сестры Юлии, поселившейся в Швейцарии, и через ее доверенного аристократа возобновил переписку с Каподистрией, который проживал в Женеве. Посланец Леопольда передал ему письмо, в котором Леопольд напоминал об их сотрудничестве в составе русской армии в 1813 г. и во время Венского конгресса. «Я узнавал о Вас все эти долгие годы с живым и искренним интересом, и теперь осмеливаюсь верить в Вашу доброжелательность, как в прошлом», – писал Леопольд [Defrance 2004: 93]. Несмотря на готовность встретиться, он воздерживался от такой демонстрации близких отношений, мотивируя тем, что не хотел бы вызывать «беспокойства» у некоторых влиятельных политиков. По всей вероятности, он имел в виду, в первую очередь, Меттерниха, находившегося в то

императорского дворца. Там в "темной комнате" специальные агенты вскрывали конверты костяными ножами, копировали текст и вновь запечатывали, держа их над бездымными свечами» [Кинг 2010: 81].

¹ Дж. Каннинг объяснял свое решение аргументами практического свойства: «Турки не в состоянии обеспечить надежность британской торговли: следовательно, мы обязаны считать греков или пиратами, или воюющей стороной» [Виноградов 1991: 22-23]. Курьез заключался в том, что Александр I доверил защиту русских интересов в Турции лорду Чарльзу Стрэтфорду Каннингу, двоюродному брату министра иностранных дел Каннинга. «Я считаю Вас одним из моих министров», – сказал ему царь на прощание во время конгресса в Вероне [Радев 2016: 286].

время в изоляции в вопросе о разрешении греческого кризиса и в связи с этим проявлявшего сильную ревность¹.

В начале 1824 г. русская дипломатия предложила «Записку об умиротворении Греции», в которой предусматривалось обособление трех автономных княжеств под верховенством султана. И греки, и турки отвергли эту компромиссную идею – греки считали себя достойными полной независимости, а турецкие министры восприняли ее как вмешательство во внутренние дела империи. Разочаровавшись в позиции России, осенью 1825 г. греки направили Лондону настойчивую просьбу, чтобы там объявили британский протекторат над ними. Проект разрешения греческого вопроса был назван «Актом подчинения», и в нем присутствовало предложение о военной помощи. Министр иностранных дел Дж. Каннинг встретился с двумя представителями греческого правительства Луриотисом и Орландосом и внушил им, что нужно искать примирения с Турцией. В своих усилиях получить покровительство Британии они предложили, чтобы греческое Национальное собрание выбрало князя Леопольда Кобург-Готского владельцем страны с учетом его статуса члена королевской семьи. Каннинг не был удивлен предлагаемым вариантом, но считал, что такой выбор будет очень сложно легализовать перед остальными европейскими владельцами [Defrance 2004: 93-94].

В последующие дни Каннинг принял Леопольда и назвал идею греков амбициозной политической авантюрой, у которой нет никаких объективных гарантий успеха. В первую очередь он указал, что не видит перспектив достижения безопасности на Балканах, аргументируя свое мнение отсутствием единства у самих греков, напомнил о разных интересах великих государств в этом регионе и не утаил своих опасений, что согласовать приемлемую кандидатуру в таких случаях бывает очень сложно. Каннинг спрогнозировал, что вмешательство Леопольда в такую сложную европейскую проблему в случае неудачи могло бы скомпрометировать королевскую семью и сказаться негативно на авторитете короля. По его мнению, как министра иностранных дел, перспективы у Леопольда – в самой Англии, а при стечении определенных обстоятельств он мог бы сыграть значительную политическую роль в английском обществе. Министр пытался внушить ему, что нужно проявить больше терпения и откровенно признался, что при неясном развитии греческого кризиса не будет брать на себя обязательства, связанные с кандидатурой Леопольда.

Джордж Каннинг был видным деятелем консервативной партии, популярным оратором в парламенте и министром иностранных дел с

¹ Каподистрия и Леопольд не пользовались услугами почтовых служб, которые находились под контролем, а обменивались письмами через доверенных сотрудников [Kirschen 1988: 159].

передовыми взглядами. Он испытывал симпатию к грекам, но не проявил сентиментальности и не поддался их соблазнительным предложениям. Каннинг дистанцировался от Священного союза и признал независимыми бывшие испанские колонии в Южной Америке. Что касается Балкан, он тщательно следил за русскими планами и был в готовности предотвратить вероятный распад Османской империи. Грекам он периодически внушал, что нужно стремиться к соглашению с Высокой Портой и бесцеремонно рассеивал возможные иллюзии о том, что Лондон мог бы втянуться в войну против Турции. Каннинг даже намекал, что если бы и хотел в качестве министра иностранных дел реализовать подобную инициативу, король и парламент не позволили бы ему нанести урон английским интересам в районе Проливов. Несмотря на эти заявления, в следующие месяцы он был вынужден согласовывать свою позицию с Россией и внести свой вклад в появление свободной Греции.

Уже в следующем 1826 г. решение греческого кризиса было поставлено в прямую зависимость от отношений двух самых влиятельных в то время государств – Англии и России. 4 апреля они подписали в Петербурге протокол о совместных действиях на Балканах. Герцог Артур Веллингтон, победитель при Ватерлоо, руководил переговорами с английской стороны. Официальным поводом его посещения считалась коронация нового русского императора Николая I. В подписанном документе обе стороны заявляли о своем намерении способствовать прекращению военных действий между греками и турками, а грекам предоставить автономию при сохранении верховной власти султана. В статье 5 Великобритания и Россия декларировали, что их вмешательство не имеет целью получение территориальных выгод для самих себя. 6 июля 1827 г. к обоим государствам присоединилась и Франция, у которой были долгосрочные интересы в Юго-Восточной Европе. К официальному тексту нового протокола, повторяющего положения от 4 апреля 1826 г., добавили и секретную статью. Она предоставляла трем сторонам возможность предпринимать совместные действия в случае, если одна из обеих воюющих сторон откажется принять перемирие [Грынчаров 2001: 160; Достян 1972: 265-266; Виноградов 2012: 209-211].

В апреле 1827 г. греческое Национальное собрание третьего созыва выбрало Иоанниса Каподистрию управляющим/президентом сроком на 7 лет. До того как вернуться в Грецию, он последовательно посетил Петербург, Лондон и Париж. В русской столице у него состоялось несколько встреч с Николаем I, который указом от 13 июля официально освободил его от русской службы и обещал кредит в 1 млн рублей [Данова 2003: 125; Арш 2012: 192-193]. В период с августа по октябрь Каподистрия находился в Англии и во Франции, но не проявил интереса к встрече с Леопольдом. Этот факт дал основание предполагать, что Россия, возможно, посоветовала ему обратиться с пред-

ложением стать будущим владельцем к одному из двух сыновей короля Нидерландов Вильгельма I. Но в последующие месяцы Высокая Порта отказалась от переговоров по греческому кризису, и подписавшие лондонский протокол три государства отозвали своих послов из турецкой столицы. В апреле 1828 г. Россия объявила войну Турции. При этом в манифесте императора об объявлении войны о греческом вопросе вовсе не упоминалось, хотя его урегулирование и являлось одной из целей войны. Русские победы оказались недостаточно убедительными, чтобы сломить упрямство турок. Франция отправила в Морею свой контингент под командованием генерала Н.Ж. Мезона, которому удалось заставить египетскую армию покинуть греческую территорию.

Тем временем на конференции трех послов на острове Порос продолжалась дискуссия, на которой присутствовал и Каподистрия. Участникам дискуссии удалось прийти к согласию по вопросу о сухопутной границе Греции, которая к северу должна была дойти до линии Арта – Волос, включая также Кикладские острова. Трое дипломатических представителей Ч. С. Каннинг, А. Ш. Гийемино и А. И. Рибопьер предложили своим правительствам включить острова Крит и Самос в предполагаемую территорию автономной Греции¹. В декабре три посла закончили свою дискуссию и по пути в свои столицы посетили Неаполь. Именно в это время в город специально приехал Леопольд, который встретился с каждым из них и получил заверения о том, что они проинформируют свои правительства о его кандидатуре. Руководствуясь намерением получить официальную поддержку от имени греческой нации, Леопольд отправил свое доверенное лицо к Каподистрии, с которым они встречались в октябре 1826 г. в Швейцарии и в марте 1827 г. в Париже, с щекотливой просьбой заняться его популяризацией среди своих соотечественников [Standaert 1996: 9-20].

В результате продолжительных и бурных дискуссий между английскими министрами и дипломатами Франции и России в Лондоне три государства договорились о прекращении военных действий между Высокой Портой и восставшими греками. 22 марта 1829 г. в английской столице был подписан Протокол, определявший границы автономной Греции, которой гарантировали свободу религии и торговли при монархической форме правления с владельцем христианском. В документе было специально оговорено, что «этого владельца ни в коем случае нельзя выбирать среди членов правящих династий трех государств, подписавших протокол от 6 июля 1827 г. в Лондоне» – Великобритании, Франции и России. Решили, что первый выбор должен был быть сделан представителями трех государств и Высокой Портой. Подписанный Протокол официально предоставлял им право

¹ Протокол конференции дипломатических представителей России, Великобритании, Франции [см. в кн.: Внешняя политика 1995: 47, 634; Виноградов 1985: 95].

регулировать вооруженный конфликт между Высокой Портой и ее греческими подданными, определить границы автономного государства и выбрать ее первого владельца¹.

Тем временем в июле 1829 г. послы Англии и Франции в турецкой столице возобновили переговоры по примирению Греции с Высокой Портой. Оба дипломата Гордон и Гийемино определили пять проблем, по которым следует провести дискуссию: будущая греческая территория, годовой налог, который греки будут платить, объявление амнистии, гарантии свободы вероисповедания и торговли, турецкая собственность в Греции. 30 июля Высокая Порта в ответной ноте заявила, что сделанные ей предложения неприемлемы, что она чувствует себя «глубоко уязвленной» и отказывается от переговоров. В ноте содержались два фрагмента, заслуживающих большего внимания. «Поскольку греки в Море на протяжении веков являются подданными Высокой Порты, то нота послов находится в абсолютном противоречии с принципами султана и религии в Империи». И далее: «Как такое возможно, чтобы представителям дружественных государств пришел в голову план создания греческого правительства и предоставления свободы грекам на море?» Очевидно, что у Высокой Порты не было никакого намерения пойти на уступки, и она настаивает, чтобы греческий вопрос был объявлен закрытым «для общей пользы и к общему удовольствию» [Mémoires 2007: 593].

В это время русская армия под командованием генерала И.И. Дибича прорвалась к югу от Стара-Планины и взяла Эдирне. 9 сентября Высокая Порта заявила обоим послам о своей готовности к переговорам, а 14 сентября в Эдирне был подписан мирный договор с Россией. В статье X документа Высокая Порта согласилась с положениями договора от 6 июля 1827 г. и Протокола от 22 марта 1829 г. В этой статье впервые в официальном международном акте Порта была вынуждена признать самостоятельное существование Греции. Но нейтрализация Османской империи не привела к разрешению греческого кризиса, поскольку Веллингтон первым выразил протест против включения статьи X в текст мирного договора. Он опасался, что русская дипломатия воспользуется своей победой в войне для того, чтобы расчленив Турцию по своему усмотрению, а Англия не сможет вмешаться. Его иллюзии о том, что Россия увязнет в длительной и безуспешной войне, сменились беспокойством. Министр иностранных дел Дж. Г.-Г. Абердин в частном разговоре тоже не скрывал своей тре-

¹ Протокол конференции уполномоченных России, Великобритании и Франции, Лондон, 22 март 1829 [Внешняя политика 1995: 116-120; Комментарий Талейрана о договоре от 6 июля 1827 г. и о позиции Франции по греческому вопросу см. в кн.: Mémoires 2007: 824].

воги: «Османская империя лежит у ног России. Английское правительство готово пережить что угодно, только не позор»¹.

Создалось небезосновательное впечатление, что начался очередной период напряженности в англо-русских отношениях, который отодвинет решение греческого кризиса. Веллингтон и Абердин осознавали щекотливость ситуацию, в которой они находились, и беспомощно искали выигрышного варианта. Первым облегчил им задачу Николай I декларацией о том, что он будет воздерживаться от самостоятельных решений по греческому вопросу. На конференции в Лондоне оба русских дипломата Х.А. Ливен и А.Ф. Матушевич находчиво предложили удачный компромисс: Грецию объявить независимым государством, но на меньшей территории. Эта идея была не новой. Курьез был в том, что первым о независимости Греции заговорил австрийский канцлер Меттерних, намереваясь ограничить влияние России. Веллингтон посчитал такую инициативу спасительной для своего авторитета первого министра и шумно поддержал ограничение территории будущего греческого государства. Единогласно было принято решение предоставить Турции право выбора – или принять Протокол от 22 марта 1829 г., предоставляющий Греции автономию, или же она получит независимость на сильно урезанной территории.

Объективно говоря, Высокую Порту умело затащили в «ловушку». Она получила всего лишь видимость свободы выбрать приемлемый для себя вариант, поскольку, соглашаясь с положениями статьи X договора от 14 сентября, она на практике лишилась возможности выбора [Внешняя политика 1994: 384]. В конце 1829 г. участники конференции в Лондоне убедились, что у них есть серьезные основания не медлить дальше с выбором владетеля Греции. Они отодвинули на задний план обязанность определить границы территории, которую получит новое балканское государство. Лорд Абердин поделился с русскими дипломатами тем, что из-за близости Греции к Ионическим островам, которые с 1815 г. были объявлены английским протекторатом, Лондон придает большое значение личности будущего греческого монарха. Английский кабинет не принял бы принца с амбициями, вынашивающего завоевательные планы и симпатизирующего либеральным доктринам. Было понятно, что лорду нужна была поддержка, и он пытается понять, можно ли будет договориться с Россией.

Получилось так, что после успешной войны русский император благодарно предоставил своим союзникам выбор будущего греческого владетеля. Данный факт облегчил задачу лорда Абердина представить кандидата своей страны – принца Филиппа из Гессена, брата ландграфа Гессена. Принц Филипп был офицером для специальных

¹ Посол в Лондоне Х. А. Ливен и А. Ф. Матушевич – вице-канцлеру К. В. Нессельроде, 25.10.1829 г. [Внешняя политика 1994: 377].

поручений австрийской армии, и в отношении его кандидатуры была тайная договоренность с Меттернихом, хотя английский министр и отрицал наличие таковой. В эти дни в Лондон прибыл новый французский посол герцог Анри де Монморанси-Лаваль с предложением выбрать владетелем принца Карла, брата короля Баварии, и он ни в коем случае не соглашался уступить. Лорд Абердин позволил себе пригрозить французскому послу тем, что прекратит переговоры, если не выберут Филиппа. Когда стало понятно, что не удастся договориться, по предложению русских дипломатов обе кандидатуры были отозваны. В качестве возможного кандидата обсуждали кандидатуру принца Фридриха, второго сына короля Нидерландов. Он получил поддержку и Великобритании, и России, но герцог Монморанси-Лаваль выступил категорически против. Аргумент был тот, что он придерживается либеральных взглядов и чересчур тесно связан с Лондоном, где проживала в эмиграции до 1815 г. семья короля Вильгельма I.

Лишь когда отбросили и эту кандидатуру, стали обсуждать возможность выбрать Леопольда Кобург-Готского. Он усердно готовил свое участие в выборах, начав в ноябре 1829 г. со встречи в Париже с королем Карлом X, которого настойчиво попросил о содействии. Король, которого революция 1830 г. свергла с престола, был по родственному обязан своему двоюродному брату Жану из Саксонии. Что касается последнего, то он еще не определился окончательно, примет ли участие в процедуре выборов. На всякий случай Карл X обещал содействие. В Лондоне Леопольд столкнулся с очень сдержанной позицией, как со стороны короля, так и со стороны министров. Сначала ему совершенно бесцеремонно заявили, что у него шансы минимальные, поскольку кроме него было ещё семь кандидатов. Взамен своего согласия Георг IV потребовал от Леопольда отказа от английского подданства, от престижного военного звания и пенсии, а также от полученной после брака недвижимой собственности. Для того чтобы его не воспринимали только как англичанина, Леопольд задумал брак с французской принцессой. Он был хорошо знаком с обеими дочерьми герцога Орлеанского Луи-Филиппа, которого Июльская революция вскоре возведет на французский престол, и отправил ему любезное предложение в этом смысле.

В письме герцогу Леопольд не умолчал о желании греков, чтобы дети их будущего владетеля исповедовали православную веру. Супруга герцога была ревностной католичкой, и она не хотела допустить, чтобы ее внуки были православными. Обе молодые принцессы тоже не были очарованы такой перспективой. Герцог Орлеанский сообщил об их отказе любезными фразами, проинформировав заранее об этом их решении и Карла X. Вот как заканчивалось его письмо Леопольду: «Если Ваше желание таково, чтобы мы ответили Вам сейчас Да или Нет, то мы обязаны сказать Вам, как бы ни было нам тяжело, что на

данный момент наш ответ – Нет». Луи-Филипп, однако, отметил, что он облегчил ему возможность быть выбранным в греческие властители, не уточнив, в чем именно заключалось его участие. В своем личном дневнике мать записала: «Мы сообщили им о предложении брака, и обе они, каждая по своим причинам, уведомили нас, что отказываются от такого предложения» [Defrance 2004: 102-103].

3 февраля 1830 г. в Лондоне был подписан новый Протокол от имени Великобритании, России и Франции, согласно которому Греция была признана независимым государством с меньшей территорией по сравнению с обещанной в Протоколе от 22 марта 1829 г. В стране устанавливали монархическое правление по принципу первородства. Было заявлено, что это доверят принцу, который не может быть выбран из членов царствующих династий, подписавших договор от 6 июля 1827 г. В тот же день Абердин, Ливен и Монморанси-Лаваль подписали еще один Протокол, в котором заявляли: «Обсуждая вопрос об избрании владетеля Греции, уполномоченные лица трех дворов выбрали князя Леопольда Саксен-Кобургского. Нотой ему будет предложена греческая корона»¹. 24 апреля 1830 г. Высокая Порта заявила о своем согласии с навязанными ей политическими и территориальными изменениями. Объявлением Греции независимым государством со своим владетелем была поставлена точка в длительных переговорах между тремя государствами, подписавшими Протокол от 6 июля 1827 г., а также конец кровопролитным сражениям и религиозному противопоставлению между греками и турками.

Выбор Леопольда греческим королем не был ожидаемым, но его нельзя было назвать и сюрпризом. Он не значился в числе приоритетных кандидатов трех государств, но после вспыхнувшего ожесточенного спора на конференции в Лондоне никто из представителей не нашел подходящих аргументов против его кандидатуры. Сам Леопольд облегчил свой выбор, найдя индивидуальный подход к каждому из трех послов. Монморанси-Лавалю он обещал поискать в супруги французскую принцессу, напомнил о своих хороших отношениях с королем Карлом X и герцогом Луи-Филиппом из Орлеанской династии, а также о своей готовности учитывать французские интересы на Балканах. В беседах с русским послом Ливеном Леопольд обещал поручить Каподистрии формирование первого правительства Греции, выразил искреннюю озабоченность будущим греческой нации и заверил, что не допустит, чтобы Англия оказывала влияние на его политику². Разговоры с Абердином

¹ Протокол конференции уполномоченных России, Великобритании и Франции, Лондон, 3.02.1830 [Внешняя политика 1995: 440-442].

² Письмо вице-канцлера К.В. Нессельроде правителью Греции И. Каподистрии, 12.03.1830 [Там же.: 483]. В докладе от 6 февраля 1830 г. Х. А. Ливен сообщал о своих разговорах с князем Леопольдом, который дал высокую оценку деятельности Каподистрии.

завершились с наиболее неопределенным результатом, но было понятно, что в недалеком будущем племянница Леопольда Виктория взойдет на английский престол, а это было достаточным основанием, наряду с привлекательной перспективой успешной торговли в восточной части Средиземного моря, выразить ему доверие.

Протокол от 3 февраля 1830 г. предусматривал прекращение войны между греками и Османской империей. Но именно греки, получив независимость, оказались самыми недовольными. Они возражали против урезания территории, что, по их мнению, сделает молодое государство «нежизнеспособным», а также против полного лишения греческих представителей права голоса при выборе короля и определении круга его полномочий. После длительной задержки 16 апреля 1830 г. Временное греческое правительство заявило о своем присоединении к Протоколу от 3 февраля, хотя за неделю до этого была распространена Записка греческого Сената, содержащая множество возражений. В ней были требования о включении в границы Греции островов Самос, Кандия и Ипсара, выражено крайнее неодобрение тем, что грекам «не гарантированы гражданские права», в то время как статус короля и предоставленное ему право наследования быстро превратят его в «узурпатора». Греческие сенаторы ссылались на решения состоявшегося в августе 1829 г. в Аргосе Национального собрания четвертого созыва, которое приняло к исполнению Лондонский протокол от 22 марта 1829 г., но лишь после ратификации Национальным собранием. Сенаторы настаивали на получении займа в 60 млн франков и на принятии избранным королем православия [Там же: 544-548]¹.

Леопольд не спешил отправляться в Грецию и остался в Лондоне, намереваясь обеспечить новый финансовый кредит при помощи трех государств. Ему удалось заключить договор о займе в 40 млн франков, но три государства были готовы дать гарантии лишь на 2/3 суммы. Анархия в Греции усиливалась, и Каподистрии было трудно контролировать ситуацию. Как президент, он придерживался мнения, что Леопольду нужно официально признать конституционные основы государства и права греческих граждан. Для информации переслал ему Записку

¹ В письме к русскому вице-канцлеру К. В. Нессельроде от 21 апреля 1830 г. Каподистрия объяснял сильное недовольство греков решениями трех государств насчет границ, полномочий правителя и игнорированием их высшего органа – Сената – констатацией: «Большинство людей смотрят на родину, на свободу и независимость с точки зрения собственных интересов, а нации, только что вышедшей из состояния рабства и революционной анархии, следовало бы понять, каковы те законные интересы, которые могут обеспечить ей настоящее счастье». В своем ответе от 2 июля Нессельроде внушал ему: «Именно Вам, г-н граф, поскольку Вы наделены и доверием союзников, и Ваших соотечественников, поручено разъяснить их настоящие интересы. Император надеется, что Ваше усердие и патриотизм проявятся успешно при выполнении этой миссии». Нессельроде напоминал, что «отречение» Леопольда могло бы вызвать «новые несчастья и осложнения» как для самой Греции, так и для союзных государств.

Сената и принятые им 13 декретов, а тремя письмами от 6, 22 и 24 апреля 1830 г. Каподистрия призвал его как можно скорее приехать в Грецию. Он откровенно писал ему о финансовых трудностях, подчеркивая, что Лондонский Протокол был встречен в Греции без «энтузиазма» и настаивал, чтобы владетель соблюдал права «эллинов». Предлагал ему урегулировать обстановку, объявив себя православным и признав решения конгресса в Артосе [Betant 1839: Т. III: 510-527; Т. IV: 8-20].

В России недовольство греков вызвало бурное неодобрение. Николай I назначил дипломата Л. Потоцкого специальным представителем, отправив его с миссией к новому греческому королю. Ему были вменены три основные обязанности: содействовать от имени трех государств стабилизации нового государства в указанных границах, укреплять авторитет Леопольда и содействовать установлению более активных политических, торговых и религиозных отношений между Россией и Грецией. Нессельроде предупредил его о бесчисленных требованиях греков и внушал ему: «Поскольку Россия сделала свой выбор в пользу кандидатуры Леопольда в качестве главы греческого государства, мы, разумеется, обязаны обеспечить ему достойный прием в Греции. Займитесь этим делом»¹. Его первостепенной задачей было названо содействие установлению «дружеских и доверительных отношений» между Каподистрией и Леопольдом.

Попытки Леопольда привлечь к содействию английское правительство не увенчались успехом. Это вынудило его 21 мая 1830 г. заявить послам трех государств о своем отказе от доверенной ему греческой короны. В своих аргументах он ссылался на массовое недовольство в Греции ограничением территории молодого государства и невозможность обеспечить его безопасность. Он мотивировал свой отказ так: «Когда тот, кто намеревался стать греческим сувереном, надеялся, что греческая нация свободно и единодушно примет его, и примет его как друга, который вознаградит ее долгую и героическую борьбу... за независимость на прочной и почтенной основе. С большим сожалением я вижу, что эти надежды оказались провалившимися». Леопольд заявил, что на практике для него определили роль диктатора, который должен держать греков в покорности силой оружия. Так как сложившиеся обстоятельства не позволяют ему выполнить «с честью» доверенную ему королевскую миссию, он отказывается вступить на греческий престол.

Владельцы и правители трех государств встретили с неподдельным раздражением отказ князя Леопольда занять греческий престол,

¹ Письмо К. В. Нессельроде дипломату Л. Потоцкому от 9 апреля 1830 г., в котором сообщал ему о выборе князя Леопольда королем Греции и его назначении императором своим представителем с временной миссией. В подробной инструкции ему вменялось содействовать укреплению авторитета князя и хороших отношений нового государства с Россией. Ему было рекомендовано относиться деликатно к «чрезмерным претензиям» греков в отношении формы государственного правления [Внешняя политика России 1995: 642-648].

поскольку провалился с таким трудом сделанный выбор, предотвративший крупный военный конфликт. Тяжело больной король Великобритании Георг IV в это время доживал свои последние дни. Он, как и премьер Веллингтон категорически отказались считаться с условиями, которые Леопольд выдвинул для того, чтобы занять престол в Греции: расширение территории наряду с военной и финансовой поддержкой. На открытии летней сессии парламента они назвали греческую проблему решенной. Во Франции король Карл X не понимал, что править ему осталось так же считанные дни. Общественное недовольство в стране привело к очередной революции и свержению династии Бурбонов. Князь Леопольд отправил королю письмо, в котором обосновывал свой отказ. В нем он не утаил свое разочарование в позиции Англии, а в заключение подчеркнул, что не «хотел бы стать для греков символом их провалившихся надежд»¹.

В России были склонны обвинять в отказе не только Леопольда, но и Каподистрию. В обстоятельных письмах, которые вице-канцлер Нессельроде отправлял греческому президенту, были призывы к греческой нации проявить реализм и не противиться решениям, принятым дипломатами трех государств в Лондоне. 12 марта он писал ему: «Время колебаний и сомнений прошло, и Греция получила свободу. Сейчас императору остается лишь просить Вас оценить беспристрастно близящуюся развязку и подготовить к ней умы Ваших сограждан». В заключение Нессельроде не утаил, что русская дипломатия исчерпала свои возможности: «На каждом заседании, после каждого инцидента и почти каждый день во время переговоров мы опасались разрыва с Англией, и дважды мы были в шаге от общей войны из-за интересов Вашей родины» [Письмо К. В. Нессельроде 12.03.1830 г.; Внешняя политика 1995: 548].

Новое государство продолжало находиться в плену политической анархии, предъявлять сопровождаемые сильными страстями претензии великим державам и два года оставалось без законного правителя. Год спустя, после драматических событий в другом маленьком государстве, князь Леопольд был выбран королем Бельгии. В 1832 г. он вступил в брак с дочерью французского короля Луи-Филиппа – Луизой. У них родился сын, и английский посол в Брюсселе поздравил Леопольда I словами: «Ваше Величество, лишь с этого момента Вы стали королем» [Defrance 2004: 129; Dumont 1977: 455; Mémoires 2007: 825]. Дипломат имел в виду, что было положено начало первой бельгийской династии.

Перевод с болгарского С. Польшиковой
Редактор В. Земцов

¹ Георг IV умер 26 июня 1830 г. В последние годы своего правления он жил в изоляции. Они с Веллингтоном чувствовали себя обманутыми после отказа Леопольда и обвиняли его в мещанских расчетах [Цветков 1999: 161; Грынчаров 2001: 177-179; Defrance 2004: 105-106].

Список источников и литературы

- Арш 2012а** – Арш Г. Л. Греческий народ поднялся на революцию. История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011.
- Арш 2012б** – Арш Г. Л. Через тяжкие испытания к независимости. Каподистрия, первый президент Греции // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.
- Арш 1970** – Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970.
- Валлотон 1991** – Валлотон А. Александр I. М., 1991.
- Виноградов 1991** – Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991.
- Виноградов 1985** – Виноградов В. Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
- Виноградов 2012** – Виноградов В. Н. Союз и соперничество антагонистов, или англо-российские отношения в 20-е годы // История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2012.
- Внешняя политика 1995** – Внешняя политика России. XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Москва, 1995. Т. 16.
- Глушкова 2017** – Глушкова С. Князь Леополд Сакс-Кобургски (1790-1865), родословие и начална дейност // История. 2017. Кн. 3. С. 298-310.
- Грънчаров 2001** – Грънчаров С. Балканският свят. С., 2001.
- Данова 2003** – Данова Н., Христакудис А. История на нова Гърция. С., 2003.
- Достян 1972** – Достян И. С. Россия и балканский вопрос. Москва, 1972.
- Кинг 2010** – Кинг Д. Битва дипломатов, или Вена, 1814. М., 2010.
- Намазова 1994** – Намазова А. С. Династия Саксен-Кобург-Гота в Бельгии // Новая и новейшая история. 1994. Т. 1.
- Радев 2016** – Радев С. Лорд Странгфорд. В Дипломатическа история на освобождението на България. С., 2016.
- Тодоров 1979** – Тодоров Н. Филики етерия и българите. С., 1979.
- Феро 2018** – Феро М. История на Франция. С., 2008.
- Цветков 1999** – Цветков П. Кобургите и Европа. С., 1999.
- Betant 1839** – Betant E. A. Correspondance du comte I. Capodistras, president de la Grece, comprenant les lettres diplomatiques, administratives et particulieres, ecrites par lui le 20 avril 1827 jusqu'au 9 octobre 1831. Geneve, 1839. Т. III-IV.
- Bouvier 1992** – Bouvier J. Les Rothschild. Histoire d'un capitalisme familial. Bruxelles, 1992.
- Bitsch 1992** – Bitsch M.-Th. Histoire de la Belgique. Turin, 1992.

- Carbonell 1999** – Carbonell Ch.-O. Une histoire européenne de l'Europe. D'une Renaissance a l'autre? (XV-XX siècle). Toulouse, 1999.
- Defrance 2004** – Defrance O. Leopold Ier et le clan Cobourg. Bruxelles, 2004.
- Dumont 1977** – Dumont G.-H. Histoire de la Belgique. Bruxelles, 1977.
- Kirschen 1988** – Kirschen G. Leopold avant Leopold I. La jeunesse romantique d'un Prince ambitieux. Bruxelles, 1988.
- Mémoires 2007** – Mémoires et correspondances du prince de Talleyrand. Paris, 2007.
- Standaert 1992** – Standaert F. S. Leopold de Saxe-Cobourg, prince Souverain de la Grece, in Museum Dinasticum. Bruxelles, 1996-2.
- Stengers 1992** – Stengers J. Les rois des Belges. Pouvoir et influence de 1831 à ce jour. Bruxelles-Louven, 1992.
- Tulard 1985** – Tulard J. Histoire de France. T. 4. Les revolutions de 1789 a 1851. Paris, 1985.

References

- Arsh 1970** – Arsh G. L. Eteristkoe dvizhenie v Rossii. M., 1970.
- Arsh 2012a** – Arsh G. L. Grecheskij narod podnyalsya na revolyuciyu. Istoriya Balkan. Vek devyatnadcatyj (do Krymskoj vojny). M., 2011.
- Arsh 2012b** – Arsh G. L. CHerez tyazhkie ispytaniya k nezavisimosti. Kapodistriya, pervyj prezident Grecii // Istoriya Balkan. Vek devyatnadcatyj (do Krymskoj vojny). M., 2012.
- Betant 1839** – Betant E. A. Correspondance du comte I. Capodisras, president de la Grece, comprenant les lettres diplomatiques, administratives et particulieres, ecrites par lui le 20 avril 1827 jusqu'au 9 octobre 1831. Geneve, 1839. T. III-IV.
- Bitsch 1992** – Bitsch M.-Th. Histoire de la Belgique. Turin, 1992.
- Bouvier 1992** – Bouvier J. Les Rothschild. Histoire d'un capitalisme familial. Bruxelles, 1992.
- Carbonell 1999** – Carbonell Ch.-O. Une histoire européenne de l'Europe. D'une Renaissance a l'autre? (XV-XX siècle). Toulouse, 1999.
- Cvetkov 1999** – Cvetkov P., Koburgite i Evropa. S., 1999.
- Danova 2003** – Danova N., Hristakudis A. Istoriya na nova G'rciya. S., 2003.
- Defrance 2004** – Defrance O. Leopold Ier et le clan Cobourg. Bruxelles, 2004.
- Dostyan 1972** – Dostyan I. S. Rossiya i balkanskij vopros. Moskva, 1972.
- Dumont 1977** – Dumont G.-H. Histoire de la Belgique. Bruxelles, 1977.
- Fero 2018** – Fero M. Istoriya na Franciya. S., 2008.
- Glushkova 2017** – Glushkova S. Knyaz Leopold Saks-Koburgski (1790-1865), rodoslovie i nachalna dejnost // Istoriya. 2017. Kn.3. S. 298-310.
- Gr"ncharov 2001** – Gr"ncharov S. Balkanskiyat svyat. S., 2001.

- King 2010** – King D. Bitva diplomatov, ili Vena, 1814. M., 2010.
- Kirschen 1988** – Kirschen G. Leopold avant Leopold I. La jeunesse romantique d'un Prince ambitieux. Bruxelles, 1988.
- Mémoires 2007** – Mémoires et correspondances du prince de Talleyrand. Paris, 2007.
- Namazova 1994** – Namazova A. S. Dinastiya Saksen-Koburg-Gota v Bel'gii // Novaya i novejšhaya istoriya. 1994. T.1.
- Radev 2016** – Radev S. Lord Strangford. V Diplomaticheska istoriya na osvobozhdenieto na B"lgariya. S., 2016.
- Standaert 1992** – Standaert F. S. Leopold de Saxe-Cobourg, prince Souverain de la Grece, in Museum Dinasticum. Bruxelles, 1996-2.
- Stengers 1992** – Stengers J. Les rois des Belges. Pouvoir et influence de 1831 à ce jour. Bruxelles-Louven, 1992.
- Todorov 1979** – Todorov N. Filiki eteriya i b"lgarite. S., 1979.
- Tulard 1985** – Tulard J. Histoire de France. T. 4. Les revolutions de 1789 a 1851. Paris, 1985.
- Valloton 1991** – Valloton A. Aleksandr I. M., 1991.
- Vinogradov 1985** – Vinogradov V. N. Velikobritaniya i Balkany: ot Venskogo kongressa do Krymskoj vojny. M., 1985.
- Vinogradov 1991** – Vinogradov V. N. Britanskij lev na Bosfore. M., 1991.
- Vinogradov 2012** – Vinogradov V. N. Soyuz i sopernichestvo antagonistov, ili anglo-rossijskie otnosheniya v 20-e gody // Istoriya Balkan. Vek devyatnadcatyj (do Krymskoj vojny). M., 2012.
- Vneshnyaya politika 1995** – Vneshnyaya politika Rossii. XIX i nachala XX veka. Dokumenty Rossijskogo ministerstva inostrannyh del. Moskva, 1995. T. 16.